

Оригинал здесь: [Всё про Лесю Украинку.](#)

1

"Назначен к публичной продаже надел под № 29-м, собственность Николая Проця, стоимостью в 150 гульденов, вместе со всеми хозяйственными постройками (их было всего одна изба и хлев на одну корову; все вместе под одной кровлей, из давно прогнившей драни), для уплаты долга Шиндеру на сумму 40 гульденов. Кто даст больше?"

Всю эту длинную тираду прокричал хриплым голосом судебный пристав, исполнявший одновременно и службу аукционщика. После этих слов он простучал несколько раз молотком по доске, положенной на бревне и заменявшей казенный стол.

- Кто даст больше? - повторил он. - Объявленная цена - 40 гульденов!

Вокруг стояло несколько крестьян в истрепанных сермягах и в соломенных шапках и три горожанина. Они разговаривали между собой, оглядывали двор, на котором происходила продажа, но на вызов пристава никто из них не отозвался.

А в стороне, у разваленного забора, сидел на бревне сам Мыкола Проць, высокий, лет тридцати пяти, худой, как щепка, с испитым от нужды и болезни лицом. На коленях у него сидел мальчик-пятилеток, прижимаясь к отцу и со страхом поглядывая на чужих людей перед избой. Около него стояла жена с младшим ребенком на руках и фартуком утирала слезы.

- Кто даст больше? - вызывал пристав, оглядываясь.

Тут подошел к нему Шиндер и, прикоснувшись левой рукой к своей шапке, сказал:

- Ну зачем, ваше благородие, больше давать? Я дам сорок.

- Шиндер даст сорок; кто даст больше? раз! - прокричал пристав.

Никто не откликнулся.

- Два!..

Все молчали, только слышно было глухое всхлипывание Процихи.

- Три!

Громкие удары молотка по доске были ответом на этот вызов. Шиндер за свои 40 гульденов сделался владельцем земли и хозяйства, оцененных в 150 гульденов, а в действительности стоивших самое меньшее 200 гульденов.

- Ну, ты, глупый мужик, - обратился Шиндер к Мыколе, - не говорил я тебе, помирись со мной, отдай мне половину земли? А теперь вот видишь, я взял все!

- Бог тебя накажет за нашу обиду, кровопийца проклятый! - вскрикнула, задыхаясь от слез, Проциха.

- За что меня будет бог наказывать? Кого ж обидел? Пусть тебя самое бог накажет, мерзавка ты этакая! Убирайся вой из моего двора! вон, сейчас же!

Проциха поспешно утерла слезы и хотела еще что-то сказать Шиндеру, но Проць махнул на нее рукой и сказал разбитым, глухим голосом:

- Оставь его! Что уж теперь говорить? Ничего не поделаешь! Бог нас наказал, на то была его воля. Так тому и быть! Пойдем!

Он встал, взял мальчика за руку и пошел, а за ним, рекой разливаясь, пошла и его жена с малым ребенком на руках.

- Так-то, кум! вот и еще одного хозяина на миру не стало! - гуторили промеж себя мужики на дворе.

- Да, видно божие попущение на мир христианский!